

УДК 39 (= 512.156)

Ж. М. Юша

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Вербальные константы в обрядах тувинцев России, Китая и Монголии

Впервые в сравнительно-сопоставительном плане анализируются вербальные константы в семейных и календарных обрядах тувинцев России, Китая и Монголии. Рассмотрены две группы обрядовых текстов: обязательные словесные формулы (*алгыш-йорээл*-благопожелание, *чалбарыг*-заклинание), а также реплики, возгласы и восклицания участников ритуала, присущие общетувинской фольклорной традиции. Выявлены случаи включения малых и речевых жанров (пословиц и поговорок, идиоматических выражений) в структуру обрядовых текстов. Проанализированы функции слова в ритуалах; охарактеризован акциональный код обрядов, определена тесная связь акционального и вербального компонентов. Автор приходит к выводу о том, что словесные элементы ритуалов у трех тувинских групп имеют общие мотивы, отмечается совпадение многих устойчивых формул, прагматическая направленность словесных текстов.

Ключевые слова: вербальный компонент, ритуалы тувинцев, *йорээл*-благопожелание, *чалбарыг*-заклинание, малые жанры фольклора.

Обряд представляет собой совокупность различных компонентов – вербальных, акциональных, темпоральных, персонажных, локальных, предметных [Гура, 2012, с. 3; Толстой, 1995, с. 167]. «Все они, взаимодействуя между собой, используются в обрядовой коммуникации и участвуют в порождении обрядовой семантики, причем нередко один и тот же смысл может дублироваться в обряде несколькими семиотическими средствами одновременно» [Гура, 2006, с. 268].

Цель статьи – проанализировать устойчивые поэтические формулы в календарных и семейных обрядах у разных тувинских этнолокальных групп, проживающих на территории России, Китая и Монголии.

Вербальные тексты, включенные в структуру ритуального комплекса тувинцев, имеют четкую привязку к определенным этапам обряда, придают ритуалам осмысленность, сакральность и функциональную направленность. В обрядовых текстах отображается вера в магию слова, в достижение желаемого результата, прагматическая направленность текста и ритуала, структурная связанность и последовательность вербальных текстов. Поэтому роль слова в структуре и семан-

Юша Жанна Монгеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; zhanna-yusha@yandex.ru)

тике всего обрядового комплекса чрезвычайно велика. По мнению С. Ю. Неклюдова, словесный компонент обряда – это «обширная группа текстов, которые вообще не фигурируют вне рамок определенного ритуала и являются такой же органичной частью, как акциональные и предметные компоненты» [Неклюдов, 2008, с. 11].

Вербальный элемент в структуре тувинских обрядов с точки зрения их композиционной структуры и семантической направленности условно можно разделить на две группы.

Первую группу составляют обязательные словесные формулы, сопровождающие семейные и календарные обряды: *алгыш-йөрээл*-благопожелание, *чалбарыг*-заклинание (у китайских тувинцев *чалбарыг* в том же значении ¹). Тексты этого типа образуют сложное единое целое, имеют стихотворную форму, соотносятся с главной идеей ритуала, а в некоторых случаях поэтически интерпретируют ритуальные действия исполнителей. Характерной чертой первой группы является то, что каждый обрядовый жанр (*чалбарыг*-заклинание, *йөрээл*-благопожелание), преследуя разные цели, имеют устойчивую композиционную структуру, обрядовую функцию и адресную направленность в структуре ритуала. *Чалбарыг*-заклинание, как словесный компонент обряда, выражает испрашивание милости и покровительства, удачи и счастья для себя (при индивидуальных обрядах) или для всех сородичей (при коллективных обрядах). Проводя определенный обряд, именно с помощью заклинаний через своих посредников – знатоков ритуала, люди устанавливали контакт с могущественными духами-хозяевами, выражали им свои конкретные просьбы, рассчитывали на их благорасположение и помощь.

Основной целью *йөрээл*-благопожеланий является призывание счастья, предсказание будущих благ, высказывание наставлений, мудрых советов адресату. В благопожеланиях человек чувствует себя способным силой слова осчастливить другого, предречь ему удачливое будущее, пожелать всего того, что по понятиям тувинцев должно быть в жизни счастливого человека. Например, адресатам желают «богатства и многодетности», «долголетия», «здоровья», «скота», «еды-пищи», «физических достоинств».

В ходе произнесения словесных формул особое внимание уделялось акциональным элементам, свойственным определенным видам ритуала. К ним относятся: телодвижения, жесты, мимика исполнителя. Так, характерной позой исполнителя в индивидуальных обрядах можно считать коленопреклоненную позу *күдүк базар*, или *сөгүрүүр*, в знак благодарности божеству. Коленопреклонение является одним из основных жестов адорации у тувинцев, поскольку человек общается со сверхъестественной силой и выступает только в роли пассивного просителя. Особо можно отметить, что обрядовым жанрам соответствуют разные виды речевого поведения. Так, заклинания произносятся мысленно, шепотом или про себя, благопожелания исполняются громко, торжественно-приподнятым тоном.

Во вторую группу включаются реплики, возгласы или восклицания участников ритуала во время или после произнесения знатоком традиций основного вербального компонента, чтобы «закрепить результат». Отличительным признаком речевых компонентов данной группы является то, что их семантика и прагматика выявляется в связи с предыдущим обрядовым текстом. По своей функциональной направленности они аналогичны ритуальным действиям. Например, после произнесения каждого благопожелания его адресат, а также участники торжества вслух проговаривают обязательную традиционную фразу, доказывающую сопричастность других участников к сказанному слову благословителей, тем самым выказывая свое согласие и одобрение доброму пожеланию.

¹ По тувинцам Китая в статье использованы полевые материалы автора Ж. М. Юша.

Так, у российских тувинцев участники обряда хором произносят: *Йөрээл доктаазын!* 'Пусть *йөрээл* сбудется!' (букв.: 'Пусть благопожелание остановится')² или *Бндыг-ла болзун ам!* 'Да будет так!' У китайских тувинцев это же формула звучит так: *Чарлык өршээсин!* 'Пусть повеление свершится!', *Бндыг болсун!* 'Пусть будет так!', *Бурганның чарлыы болсун!* 'Повелением бургана пусть будет!'

После исполнения заклинания участники календарных ритуалов не случайно вслед за заклинателем троекратно произносили *Курай, курай, курай!*, у китайских и монгольских тувинцев *Хүрэй, хүрэй, хүрэй!*, так как это слово означает «обращение к божественным силам... призывание благ, милостей, счастья» [Татаринцев, 2004, с. 308]. Нередко заклинательные формулы заканчивались традиционной концовкой *Өршээ* или *Өршээ, хайыракан!* 'Помилуй или Помилуй, хайыракан!' ³, которую вслух повторяли участники коллективных ритуалов, когда просили духа-хозяина определенной местности проявить к ним благосклонность.

Эти примеры показывают, что вторая группа текстов насыщена дополнительной семантической нагрузкой, обладает завершающей обряд функциональной направленностью. Тексты объясняют ритуальную подоплеку совершаемого обряда, в них закладывается сакральный смысл магического слова, утверждается желаемое, тем самым закрепляется значение вербального и акционального компонентов в проводимом ритуале.

В обрядовых текстах часто встречается включение в их структуру малых жанров и речевых формул. Как и принято в фольклорной традиции, в ходе обряда исполнители добрых пожеланий для лучшего выражения своих мыслей могут обратиться и к малым жанрам фольклора, и речевым оборотам, присущим для данного ритуального поведения. Так, в контексте обряда носители культуры в некоторых случаях заменяют благопожелания полными текстами пословиц и поговорок, идиоматическими выражениями, которые также органично вписываются в обряды семейного цикла и служат таким же вербальным компонентом ритуала. Приведем несколько примеров взаимовлияния фольклорных жанров.

Мотив уважения также становится актуальной темой вербального кода в структуре обрядов семейного цикла. Например, у российских тувинцев в пословице об уважении говорится так: *Улугну улуг деп, / Бичини бичи деп хүндүле* 'Старшего считая старшим, / Младшего считая младшим, [их] почитай'. У китайских тувинцев есть паремия: *Улугну хүндүлээр, / Бичезин хэйирлээр* 'Старшего уважай, / Младшего опекай'. Эту же мысль находим в благопожеланиях, произносимых на свадебном пиру или даже в обрядах детского цикла. Тувинцы России, выражая надежду на будущую достойную жизнь адресатов, произносят: *Улугну хүндүлеп чорзун, / Бичини сургап чорзун* 'Взрослого пусть уважает, / Младшего пусть наставляет'; у китайских тувинцев: *Улугну хүндүлеп чорсун, / Бичезин хэйирлеп чорсун* 'Взрослого пусть уважает, / Младшего пусть опекает'. Монгольские тувинцы в этом случае говорят: *Улуугарны хүндүлеп, / Бичегерни азырап чоругар, уругларым!* 'Взрослых уважая, / Младших опекая, живите, мои дети!'

Другая пословица у российских тувинцев гласит: *Ада көрбээнин оглу көөр, ие көрбээнин уруу көөр* 'То что, не увидел отец – увидит сын / То, что не увидела мать – увидит дочь'; ср. у монгольских тувинцев: *Адазының көрбээнин оглу көөр, / Иезиниң көрбээнин кызы көөр* 'То что, не увидел отец – увидит сын / То, что не увидела мать – увидит дочь', – благословителем произносится на свадебном пиру или даже в обрядах детского цикла, выражая надежду на будущую достойную жизнь адресатов.

² Здесь и далее переводы автора.

³ Хайыракан – почтительное название духа-хозяина местности.

Или следующая паремия: *Чадаг чорба, аъттыг чор / Чааскаан болба, эитиг бол* 'Не ходи пешком – ездй верхом / Не будь один – имей друга' переформулируется в благопожелание, которое посвящается ребенку или молодоженам как наставление: *Чадаг чорбас болзун, аъттыг чорзун / Чааскаан чорбас болзун, эитиг болзун* 'Пешком пусть не ходит, коня пусть имеет / Один пусть не остается, друзей пусть имеет'. Как видим, содержание некоторых пословиц с добавлением глаголов *болзун/чорзун* 'пусть... будет / пусть... имеет' может принять форму благопожеланий.

Идиоматическое выражение *чаг иитинде бүүрек дег* 'как почка в жире' также может служить в качестве благопожелания и быть словесным компонентом ритуала. Например, невесте говорили: *Чуртталгаң чаг иитинде бүүрек ышкаш болзун* 'Пусть жизнь [твоя] будет, как почка в жире', предрекая ей безмятежную и счастливую жизнь в супружестве.

В поэтическую структуру обрядовых текстов нередко может включаться характеристика, относящаяся к богатырю эпоса. Например, если в героическом сказании одна из характеристик эпического героя гласит: *Эгинниг кижй тутчуп шыдавас* 'Плечистый человек не сможет одолеть [его]', то в свадебных благопожеланиях и обрядах детского цикла адресату желают иметь подобные богатырские качества: *Эгинниг кижй тутчуп шыдавас болзун, / Аастыг кижиге алдырбас болзун!* 'Плечистый человек пусть не одолеет, / Языкастому человеку пусть не уступит!' У тувинцев Китая это изречение в текстах ритуалов семейного цикла не используется. Как говорилось выше, в приведенных примерах используются пословичные выражения с императивным глаголом *болзун* 'пусть будет', что является поэтическим приемом, особо подчеркивающим волеизъявление говорящего и усиливающим магическое воздействие слов.

В паремийном фонде российских тувинцев присутствует пословица, восхваляющая родную землю: *Балгажындан байыыр, / Довураандан тодар* 'Грязью обогащаются, / Землей насыщаются'. Эту же паремию находим у монгольских тувинцев: *Балгажынан байып, / Довураанан тодар* 'Грязью обогащаются, / Землей насыщаются' (Гагааоглу, 1993, с. 57). Данная пословичная формула широко используется в обрядовых текстах заклинаний тувинцев Китая и Монголии как один из обязательных смысловых блоков заклинаний: обращения-восхваления. Например, в заклинании охотника, а также в текстах новогодних заклинаний, обращенных к духу-хозяину Алтая, у китайских тувинцев говорится: *Балгажынга байыткан, / Довураанга тодурган бай Алдайым!..* 'Грязью нас обогативший, / Своей землей нас насытивший, богатый мой Алтай!...' Монгольские тувинцы эту же пословицу также произносят во время моления Алтаю и в новогодних заклинаниях: *Довураанга тодурган, / Балгажынга байыткан бай Алдайым!* 'Своей землей нас насытивший, / Грязью нас обогативший, мой богатый Алтай!' (Мөнгүн дагша, 2014, с. 75).

Благожелательная формула, посвященная невесте, которую наставляют быть гостеприимной и щедрой хозяйкой, у российских тувинцев звучит так: *Аштаан кижй адап кээрге, / Ажы-чеми белен болзун / Сускаан кижй адап кээрге, / Сускун-чеми белен турзун!* 'Если голодный, расспрашивая [о тебе], придет – Еда-пища пусть готовой будет! / Если жаждущий, расспрашивая [о тебе], придет – Еда-питье пусть готовой будет!'. У монгольских тувинцев: *Аштаан кижй адап келзин, бөдейинге, / Суксаан кижй сурап келзин, бөдейинге...* 'Голодный, расспрашивая, пусть приходит к тебе в юрту, / Жаждущий, расспрашивая, пусть приходит к тебе в юрту' [Юша, 2009, с. 112]. У китайских тувинцев эта поэтическая формула в свадебных благопожеланиях не встречается.

Эта формула у тувинцев России может использоваться и в заклинании охотника, в его обращении-восхвалении к духу-хозяину тайги: *Аштаан чүве – Айтырып кээр, / Сускаан чүве – Сураглап кээр, / Ачылыг-хайыралыг, Алдын-кызыл*

таңдым! ‘Голодный – Разузнавая, приходит [к тебе], / Жаждающий, разыскивая, приходит [к тебе], / Благодатная-милостивая, / Золотая-прекрасная моя тайга’.

Кроме этого, в благопожеланиях для образной передачи основного смысла пожеланий широко используются лексико-стилистические средства. Например, для благопожеланий характерно наличие звукоподражательных слов, которые придают живость и выразительность всему поэтическому строю. У тувинцев России: *«Хак» дээр ханаа-думаа, / «Тук» дээр тукпу-думаа турбазын!* ‘«Хак», такой болезни, / «Тук» плевка-болезни пусть не будет!’ [Юша, 2009, с. 112]; у монгольских тувинцев *«Хык» дээр хыкы чок турзун, / «Тук» дээр дукпу чок чорсун!* ‘«Хык» такой болезни пусть не будет, / «Тук» такого плевка пусть не будет!’ (Мөнгүн дагша, 2014, с. 75).

В обрядах детского цикла во всех этнолокальных тувинских группах через символику белого цвета *ак баиш* ‘белая голова’ передаются признаки долголетия, тем самым желая ребенку прожить долгую жизнь. У российских тувинцев: *Бажының дүгү агаргыже чурттазын!* ‘До седых волос пусть живет!’ [Юша, 2009, с. 84]; у тувинцев Китая: *Ак баштыг болсун, / Узун чаштыг болсун!* ‘Белоголовым пусть будет, / Долголетним пусть будет!’; у монгольских тувинцев: *Ак баштыг буурул болзун!* ‘Седоголовым пусть будет!’ (Мөнгүн дагша, 2014, с. 87).

Таким образом, рассмотренный нами материал позволяет говорить о том, что вербальные константы в структуре тувинских обрядов разных этнолокальных групп, расселенных в трех соседних странах, имеют общие мотивы и параллели; совпадают многие устойчивые формулы и тематика обрядовых текстов; словесный компонент в ритуалах несет основную семантическую нагрузку; наблюдается тесная взаимосвязь акционального и вербального кодов обряда. Выявлено, что словесные компоненты рассмотренных нами трех групп взаимосвязаны, структурно соподчинены, дополняют друг друга прагматической направленностью. Все они в обрядовой реальности выполняют коммуникативную функцию, но одни являются благопожеланиями, заклинаниями, произносимыми знатоком, проводящим обряд; другие являются возгласами или восклицаниями, то есть речевой реакцией участников обряда. Произнесение словесного компонента тесно взаимосвязано с акциональным кодом обряда, влечет за собой определенное поведение участников ритуала (телодвижение, жест, мимика). В рамках одной статьи невозможно полностью осветить этот вопрос, данная тема требует дальнейших сравнительно-сопоставительных исследований в области тувинского обрядового фольклора.

Список литературы

- Гура А. В. Соотношение и взаимодействие акционального и вербального кодов свадебного обряда // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. Вып. 10. М.: Индрик, 2006. С. 268.
- Гура А. В. Брак и свадьба в славянской культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. С. 3.
- Неклюдов С. Ю. К вопросу о фольклоре и обряде // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири. М., 2008. С. 11–22.
- Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 3. С. 308.
- Толстой Н. И. Вторичная функция обрядового символа // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 167–184.
- Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск, 2009. С. 112.

Список источников

Гагааоглу З. Алдын дагша (Золотая пиала): Фольклор сенгельских тувинцев Монголии: Сб. благопожеланий, песен, загадок, пословиц, легенд (на тув. яз.). Кызыл, 1993.

Мөнгүн дагша (Серебряная пиала): Фольклор сенгельских тувинцев: Сб. фольклорных текстов (на тув. яз.). / Сост. У. А. Донгак. Кызыл, 2014.

Zh. M. Yusha

The verbal constants in the rituals of Tuvinians in Russia, China and Mongolia

The paper analyzes, for the first time in the comparative-correlative aspect, the verbal constants in family and calendar rituals of Tuvinians in Russia, China and Mongolia. The author has examined two groups of ritual texts: obligatory verbal formulas (*algyshyoreel*-benevolence, *chalbaryg*-spell) as well as the ritual participants' replicas, cries and exclamations inherent in the all-Tuvinian folklore tradition. She has revealed the cases of including small speech genres (proverbs, sayings, idiomatic expressions) into the structure of ritual texts, analyzed the functions of words in rituals; characterized the actional code of the rites, identified an intimate connection between actional and verbal components. The author comes to the conclusion that the verbal elements of the rituals of the three Tuvan groups have common motives, that many sustainable formulas of the three groups coincides, and the orientation of the verbal texts is generally pragmatic.

Keywords: the verbal component, rituals of Tuvinians, benevolence, spell, minor genres of folklore.